

Мотив помощника в калмыцких волшебных сказках на сюжет «Мачеха и падчерица»

Баира Басанговна Горяева¹

¹ Калмыцкий научный центр РАН (д. 8, ул. им. И. К. Илишкина, 358000 Элиста, Российская Федерация)
кандидат филологических наук, старший научный сотрудник
 0000-0001-9386-653X. E-mail: baira.goryaewa[at]yandex.ru

© КалмНЦ РАН, 2024

© Горяева Б. Б., 2024

Аннотация. *Введение.* Сказки об отношениях мачехи и падчерицы имеют широкое международное распространение и представлены несколькими сюжетными типами по указателю Аарне-Томпсона. Универсальный сюжет приобретает свои особенности на уровне мотивов. *Целью* является анализ мотива волшебного помощника в калмыцких сказках на сюжет «Мачеха и падчерица». *Методы.* Сравнительно-сопоставительное изучение мотива волшебного помощника на материале сказок разных народов представляет особенности его репрезентации в калмыцкой сказочной традиции. *Результаты.* Мотив волшебного помощника в рассмотренных сказках является сюжетообразующим. Чудесным помощником сиротки в калмыцких сказках предстает корова, выступающая как покровительница обреченной на сиротство и тяжелую жизнь. В. Я. Пропп отмечает, что в ряде сказочных вариантов эта корова — не что иное, как умершая родная мать девушки. В сказках мачеха принуждает сиротку пасти коров, дает ей трудные поручения. На материале разных устных традиций можно отметить, что чудесная корова помогает падчерице выполнять задачи мачехи. В калмыцких сказках не встречается мотив трудной задачи мачехи, но следует отметить, что чудесная корова, помимо функции помощника, приобретает еще и функцию дарителя после своей смерти, обеспечивая пропитанием и нарядами. В калмыцких сказках на рассматриваемый сюжет, кроме чудесной коровы, присутствует также даритель, который подвергает героиню испытанию. Старуха и женщина в рассмотренных сказках, по В. Я. Проппу, являются помощниками, благодаря которым происходит трансфигурация героини (Т). Согласно функциям действу-

ющих лиц В. Я. Проппа, женщина, налепившая на щеки солнце и луну, и старуха, на голове которой растут фрукты, также относятся к категории помощников, но с функциями дарителя, который испытывает героиню, прежде чем ее трансформировать (в приведенных текстах наделение красотой, нарядами и украшениями). Их можно, наряду с короной, отнести к мифологическим помощникам. Следует отметить, что в калмыцких сказках на сюжет «Мачеха и падчерица» помощниками сиротки выступают также и люди: бездетные старики и сам супруг героини. Можно отметить как особенность, что в калмыцких сказках на сюжет «Мачеха и падчерица» мотив помощника реализуется на двух уровнях: мифологическом, когда помогает умершая мать и чудесные дарители, и профанном, когда бездетные старики и супруг героини приходят ей на помощь.

Ключевые слова: калмыки, волшебная сказка, мотив, помощник, мачеха, падчерица

Благодарность. Исследование проведено в рамках государственной субсидии — проект «Универсалии и специфика традиций монголоязычных народов сквозь призму кросс-культурных контактов и системы взаимоотношений России, Монголии и Китая» (номер государственной регистрации: 123021300198-4).

Для цитирования: Горяева Б. Б. Мотив помощника в калмыцких волшебных сказках на сюжет «Мачеха и падчерица» // Бюллетень Калмыцкого научного центра РАН. 2024. № 4. С. 142–160. DOI: 10.22162/2587-6503-2024-4-32-142-160

The Motif of the Assistant in Kalmyk Fairy Tales for the Plot “Stepmother and Stepdaughter”

*Baira B. Goryaeva*¹

¹ Kalmyk Scientific Center of the RAS (8, Ilishkin St., 358000 Elista, Russian Federation)

Cand. Sc. (Philology), Senior Research Associate

 0000-0001-9386-653X. E-mail: baira.goryaewa[at]yandex.ru

© KalmSC RAS, 2024

© Goryaeva B. B., 2024

Abstract. Introduction. Fairy tales on the relationship between a stepmother and a stepdaughter are widely distributed internationally and are represented by several plot types of the Aarne-Thompson index. The uni-

versal plot acquires its own characteristics at the level of a motif. *Results.* The analysis of the texts of Kalmyk fairy tales on the plot of “Stepmother and stepdaughter” showed that the motif of the magical assistant is plot-forming. A cow appears as a wonderful helper of an orphan in Kalmyk fairy tales. The cow acts as the patroness of a girl doomed to orphan hood and a hard life. V. Y. Propp notes that in a number of fairy tale versions, this cow is nothing more than the girl’s deceased birth mother. In fairy tales, the stepmother forces the orphan to graze cows, gives her difficult assignments. Based on the material of various oral traditions, it can be noted that a wonderful cow helps a stepdaughter to perform the tasks of a stepmother. In Kalmyk fairy tales there is no motif of the difficult task of the stepmother, but it should be noted that the wonderful cow, in addition to the function of an assistant, also acquires the function of a donor after her death, providing food and outfits. In Kalmyk fairy tales in addition to the wonderful cow, there is also a donor who puts the heroine to the test. The old woman and the woman in the considered fairy tales, according to V. Ya. Propp, are assistants, thanks to whom the transfiguration of the heroine (T) takes place. According to the functions of the actors V. Ya. Propp, the woman who stuck the sun and moon on her cheeks, and the old woman on whose head fruits grow, also belong to the category of assistants, but with the functions of a donor who tests the heroine before transforming her (in the above texts, endowing with beauty, outfits and jewelry). Along with the cow, they can be attributed to mythological assistants. It should be noted that in Kalmyk fairy tales on the plot of “Stepmother and Stepdaughter”, the orphan’s assistants are also people: childless old people and the heroine’s husband himself. It can be noted as a feature that in Kalmyk fairy tales based on the plot “Stepmother and Stepdaughter”, the motif of the assistant is realized on two levels: mythological, when an animal and wonderful donors help, and profane, when childless old men and the heroine’s husband come to her aid.

Keywords: Kalmyks, folktale, plot, motif, path, thing, function

Acknowledgements. The reported study was funded by government subsidy, project no. 123021300198-4 “Universals and Specifics in Traditions of the Mongolian-speaking Peoples through the Prism of Cross-Cultural Contacts and the System of Relations between Russia, Mongolia and China”

For citation: Goryaeva B. B. The Motif of the Assistant in Kalmyk Fairy Tales for the Plot «Stepmother and Stepdaughter». *Bulletin of the Kalmyk Scientific Centre of the RAS*. 2024; (4): 142–160. (In Russ.). DOI: 10.22162/2587-6503-2024-4-32-142-160

1. Введение

Сказки об отношениях мачехи и падчерицы имеют широкое международное распространение и представлены несколькими сюжетными типами по указателю Аарне – Томпсона: АТ 403 «Подмененная жена», АТ 480 «Мачеха и падчерица», АТ 510 «Золушка», АТ 511 «Чудесная корова». Сюжет АТ 511 устно бытует преимущественно в европейских странах, но известен и в других частях света — в Индии, Северной и Южной Америке (в Америке записывался на французском, английском и испанском языках) [Афанасьев 1984: 462]. Схожие тексты имеются в сборниках сказок многих народов [Афанасьев 1984: 120–124; Сказки народов Евразии 2018].

Сказки на сюжет «Мачеха и падчерица» рассматривались учеными на материале традиций разных народов. Р. М. Волковым выделено пять типов сюжета о мачехе и падчерице у восточных славян: «Кобыляча голова», «Морозко», «Золушка», «Буренушка», «Мачеха, преследующая падчерицу из зависти к ее красоте» [Волков 1924]. А. М. Смирнов-Кутаческий в своей кандидатской диссертации провел анализ обширного количества народных сказок о мачехе и падчерице с привлечением литературных источников [Смирнов-Кутаческий 1942]. Е. М. Мелетинский, рассматривая происхождение героя волшебной сказки, проанализировал образ гонимой падчерицы в свете общей проблемы взаимоотношений мачехи и сиротки [Мелетинский 2005: 136–179].

В «Сравнительном указателе сюжетов» восточнославянской сказки отмечено пять типов сказок о мачехе и падчерице: СУС 403 «Подмененная жена», СУС 409 «Мать-рысь», СУС 480 «Мачеха и падчерица», СУС 510 «Золушка», СУС 511 «Чудесная корова» [СУС 1979].

Е. И. Лутовинова, описав русские сказки о мачехе и падчерице, провела их классификацию. В результате выделено 9 сюжетных типов, по способу преодоления испытаний материал делится на две большие группы: первая — у героини помощника нет, вторая — помощник есть [Лутовинова 1991: 13]. Девять типов сюжетов о мачехе и падчерице по Е. И. Лутовиновой: «Кобылячья голова», «Морозко», «Испытание в лесной избушке», «На службе у колдуньи», «Гуси-лебеди», «Женская работа»,

«За огнем к Бабе-Яге», «Тербень-Тербень», «Двенадцать месяцев» [Лутовинова 1991: 8–13]. В представленную классификацию не вошли сюжеты «Золушка» и «Буренушка», выделенные Р. М. Волковым и отмеченные в сравнительном указателе восточнославянской сказки.

Н. В. Лозовская при рассмотрении семантической и структурной деривации в сюжетном типе сказки «Золушка» отмечает, что ее исходная инвариантная модель определяется на основе глубинной семантики, формализуемой оппозицией «мачеха — падчерица» [Лозовская 1991: 102].

Г. Р. Хусаиновой в сравнительном аспекте изучены сюжеты о мачехе и падчерице у восточных славян и тюрков. Анализ показал сходство сказок на уровне сюжетной линии и образной системы, выявил отличия, указывающие национальную специфику материала [Хусаинова 2006: 102].

И. Ф. Амроян отмечает, что сюжетный тип АТ 480 «Мачеха и падчерица» исключительно популярен не только в русской, но и в болгарской и чешской сказочных традициях. По наблюдению исследователя, на основе сюжета разворачиваются тексты, всегда имеющие двучастную структуру, опирающуюся на принцип противопоставления (зеркальный повтор) [Амроян 2008: 376].

В калмыцкой сказочной традиции сюжетный тип АТ 480 «Мачеха и падчерица» встречается только в контаминации с тематически сходным сюжетным типом АТ 403 «Подмененная жена». Имеется случай, когда вышеуказанная контаминация сюжетов дополняется сюжетом АТ 511 «Чудесная корова». Сказки о мачехе и падчерице в калмыцкой сказочной традиции, так же как и в славянской, тяготеют к двучастной структуре, в основе которой лежит принцип зеркального повтора — противопоставления двух типов героинь, их действий и поступков [Горяева 2011: 112].

Реализация сюжетов о мачехе и падчерице строится на мотиве помощника, именно с него начинается завязка действия. В данной статье нами впервые в калмыцкой фольклористике предпринята попытка анализа мотива волшебного помощника в калмыцких сказках на сюжет «Мачеха и падчерица», имеющий широкое международное распространение.

2. Материалы и методы исследования

Материалами для статьи стали зафиксированные на «ясном письме» (один текст) и в современной калмыцкой орфографии на кириллице (три текста) волшебные сказки из Научного архива Калмыцкого научного центра РАН (КалмНЦ РАН) [НА КалмНЦ РАН. Ф. 8. Оп. 1. Ед. хр. 36. Л. 1–4; НА КалмНЦ РАН. Ф. 5. Оп. 2. Ед. хр. 80. Л. 93–94; НА КалмНЦ РАН. Ф. 5. Оп. 2. Ед. хр. 88. Л. 4–8; НА Калм НЦ РАН. Ф. 3. Оп. 2. Ед. хр. 148. Л. 95–100], а также сказка «Хөөт экин харт бээсн өнчн күүкн» («Девочка-сирота, жившая у мачехи»), опубликованная в сборнике [Хальмг фольклор 1941: 261–264].

Первая сказка зафиксирована на старокалмыцкой письменности «тодо бичиг» и хранится в коллекции В. Л. Котвича в Научном архиве КалмНЦ РАН; перевод сказки на русский язык осуществлен Т. Г. Басанговой и опубликован в сборнике «Сандаловый ларец» под названием «Дочь Сяяды» [Сандаловый ларец 2002: 176–177]; текст сказки, переложенный на современную калмыцкую орфографию, с параллельным переводом на русский включен в том «Калмыцкие волшебные сказки» Свода калмыцкого фольклора [Калмыцкие волшебные сказки 2020: 190–193]. В сказке «Сээдэн күүкн» («Дочь Сяяды») представлена контаминация сюжетных типов АТ 480 «Мачеха и падчерица» и АТ 403 «Подмененная жена» [НА КалмНЦ РАН. Ф. 8. Оп. 1. Ед. хр. 36. Л. 1–4].

Текст сказки «Бембг гидг көвүнэ туск тууль» («Сказка о юноше по имени Бембг») хранится в Научном архиве КалмНЦ РАН. Сказка частично соответствует сюжетному типу СУС 409 «Мать-рысь» [НА КалмНЦ РАН. Ф. 5. Оп. 2. Ед. хр. 80. Л. 93–94].

Сказка «Аль Бемб» из фонда Научного архива КалмНЦ РАН представляет контаминацию сюжетных типов АТ 510 «Золушка» и СУС 409 «Мать-рысь» [НА КалмНЦ РАН. Ф. 5. Оп. 2. Ед. хр. 88. Л. 4–8].

Текст сказки «Хойр күүкнэ туск тууль» («Сказка о двух девушках») находится в рукописном отделе Научного архива КалмНЦ РАН. Сказка начинается с разработки сюжета АТ 511 «Чудесная корова» и дополняется тематически сходными сюжетами «Мачеха и падчерица» и «Подмененная жена» [НА Калм НЦ РАН. Ф. 3. Оп. 2. Ед. хр. 148. Л. 95–100].

Сказка «Хөөт экин харт бээсн өнчн күүкн» («Девочка-сирота, жившая у мачехи») представлена контаминацией сюжетных типов АТ 511 «Чудесная корова» и АТ 403 «Подменная жена». Текст сказки опубликован в сборнике «Хальмг фольклор» («Калмыцкий фольклор») [Хальмг фольклор 1941: 261–264], переиздан в первом томе «Хальмг туульс» («Калмыцкие сказки») [Хальмг туульс 1961: 91–93] и с параллельным переводом на русский язык представлен в книге «Мачеха и падчерица» серии «Сказки народов Евразии» [Сказки народов Евразии 2018: 83–90].

Для сравнительно-типологического анализа привлекались тексты сказок разных традиций на сюжет «Мачеха и падчерица», представленные в сборнике «Сказки народов Евразии. Мачеха и падчерица» [Сказки народов Евразии 2018].

При рассмотрении мотива помощника на материале калмыцких волшебных сказок о мачехе и падчерице мы опирались на исследования В. Я. Проппа по генезису («истории») волшебной сказки [Пропп 2000], работу Е. М. Мелетинского по происхождению образа «низкого» героя волшебной сказки [Мелетинский 2005]. При анализе нами учтен также опыт изучения русских сказок о мачехе и падчерице А. М. Смирнова-Кутаческого [Смирнов-Кутаческий 1942], Е. И. Лутовиновой [Лутовинова 1991].

Актуальны для нашего исследования изучение восточнославянских и тюркских сюжетов о мачехе и падчерице [Хусаинова 2006], образов мифологических помощников башкирской волшебной сказки [Хусаинова 2014: 90–96], сказок о мачехе и падчерице сказочников Русского Севера [Добровольская 2019], а также народов Дагестана [Алиева, Мухамедова 2020].

3. Корова как волшебный помощник

В сказочной традиции калмыков сказки на сюжет «Мачеха и падчерица» представлены несколькими сюжетными типами. Чудесным помощником сиротки в этих сказках предстает корова.

Героиня сказки «Хөөт экин харт бээсн өнчн күүкн» («Девочка-сирота, жившая у мачехи») пасет трех коров. Девочка, которой не дают еды, проголодавшись, плачет и зовет свою умершую мать. Пестрая корова, сжалившись, подкармливает ее, испражняясь сладостями. Сиротка становится краше, ее облик описывается тради-

ционной формулой *герлнь аду манм, гегэнднь үүл бэрм* ‘в свете ее [красоты] можно стеречь табун, в сиянии ее можно рукодельничать’ [Хальмг туульс 1961: 91].

Мачеха требует ответить на вопрос, чем питается падчерица, что так хорошеет. Сиротка хранит молчание, но, когда ее избивают до полусмерти, она проговаривается и раскрывает свой секрет. Мачеха отправляет родную дочь пасти коров, но пеструха не кормит ее сладостями (*балта* ‘пряниками’), поэтому мачеха велит зарезать корову. Когда сиротка, плача, сообщает об этом корове, то в ответ слышит: «Ты не страдай из-за того, что меня убьют, когда меня зарежут, мои испражнения в толстой кишке отнеси на курган» (*Намаг алснд чи бичэ зовад бэ, намаг алжэ оркхла, мини холхата санһсиг толһа деер авч оч хай*) [Хальмг туульс 1961: 91]. Падчерица исполняет все сказанное помощницей, и на кургане вырастает дерево, на котором пряники (*балта*) и сладости (*шикр*) растут развесисто, как кораллы.

Т. Г. Басангова пишет, что в данном сюжете корова выступает как покровительница девушки, обреченной на сиротство и тяжелую жизнь [Басангова 2009: 69].

В. Я. Пропп, исследуя исторические корни волшебной сказки, отмечает, что в ряде сказочных вариантов эта корова — не что иное, как умершая родная мать девушки [Пропп 2000: 130].

Калмыцкий материал подтверждает вывод ученого. В сказке «Хойр күүкнэ туск тууль» («Сказка о двух девушках») красная корова говорит человеческим голосом падчерице, чтобы она готовила подойник, когда ее вымя нальется молоком, она даст мед, что лучше молока: *Намаг делврэд ирхлэ, сав тос. Би чамд үснэс даву бал-бурм харһжэ өгнэв!* [НА Калм НЦ РАН. Ф. 3. Оп. 2. Ед. хр. 148. Л. 96]. Корова в этом тексте не кто иной, как умершая родная мать героини, которая помогает своей дочери и кормит ее.

Сиротка, питаясь особой едой, становится краше. На вопрос женщины Шивегчин, которая стала ее хозяйкой, героиня отвечает честно, что ее кормит корова, и уже на следующее утро отправляется пасти коров родная дочь. Краснуха не кормит ее медом, поэтому зловредная женщина велит зарезать корову. Перед смертью корова успокаивает сиротку и говорит следующее: *Ода чи бичэ зов, чамд ода хотын дөңгэс ховцна дөң икэр кергтэ. Мини*

махнас бича идич. Дөрвн шиирм өвртәһим авч одад, тер өөдмин деер бул ‘Ты не горюй, тебе сейчас помощь в одежде нужна больше, чем помощь в еде. Моего мяса не ешь. Мои четыре ножки и рога закопай на том пригорке’ [НА Калм НЦ РАН. Ф. 3. Оп. 2. Ед. хр. 148. Л. 96].

На русском материале В. Я. Проппом также отмечено, что в сказке «Буренушка» (Аф. 100) мачеха велит зарезать корову падчерицы, на что корова отвечает: «„А ты, красная девица, не ешь моего мяса“. Поев мяса коровы, девушка употребила бы в пищу кусок тела своей матери» [Пропп 2000: 130].

Героиню сказки «Буренушка» Марью-царевну кормит корова: «Царевна пошла в чистое поле, в праву ножку буренушке поклонилась — напилась-наелась, хорошо срядилась; за коровушкой-буренушкой целый день ходит, как барыня. День прошел, она опять поклонилась ей в праву ножку, разрядилась, пришла домой и краюшку хлеба назад принесла, на стол положила» [Афанасьев 1984: 122].

Сиротка в сказке «Крошечка-Хаврошечка» обращается «коровушка-матушка» к корове, которую пасет. Рябая помогает сиротке выполнять трудную работу: «к завтраму пять пудов напрясть, наткать, побелить, в трубы покатасть». Девочка в одно ухо коровы влезает, в другое вылезает и берет готовое [Афанасьев 1984: 121].

Согласно наблюдениям Г. Р. Хусаиновой, в украинской сказке падчерица смотрит в левое ухо вола — а там коноплю мнут, прядут, мотают, снуют, шьют, заглянула в правое — а там уже все готово. В башкирской сказке корова съела волокно и выплюнула падчерице белое полотно. В узбекской — падчерица накормила корову хлопком, а потом из ее вымени вытянула нитки и смотала их в клубок [Хусаинова 2006: 101]. В башкирских сказках на сюжет АТУ 511 выполнить трудные задания падчерице помогает корова: рассортировать по зернышкам пуд проса и пуд пшеницы, выткать за ночь полотно. Корова же кормит своим молоком брошенных мачехой сирот. Чтобы оживить девочку, превращенную в камень, корова велит мальчику взять из своего хвоста три волосинки и сжечь их. Корова снабжает падчерицу красивой одеждой, в которой она идет на пир, где батыр выбирает себе девушку, которая становится его женой. Наряд падает с неба после того, как корова посмотрела на небо и промычала [Хусаинова 2014: 91].

В сказках мачеха принуждает сиротку пасти коров, дает ей трудные поручения. На материале разных устных традиций можно отметить, что чудесная корова помогает падчерице выполнять задачи мачехи. В калмыцких сказках не встречается мотив трудной задачи, но следует отметить, что чудесная корова, помимо функции помощника, приобретает еще и функцию дарителя после своей смерти.

В сказке «Хөөт экин харт бээсн өнчн күүкн» («Девочка-сирота, жившая у мачехи») падчерица не ест мяса коровы, а ее толстую кишку закапывает на возвышенности, из нее вырастают сладости [Хальмг туульс 1961: 91].

Согласно исследованию Г. Р. Хусаиновой, в русской и башкирской сказках на сюжетный тип АТ 511 «Чудесная корова» из захороненных останков коровы вырастает яблоня, но яблоки с нее может сорвать только падчерица, а в узбекской сказке останки коровы превращаются в нужные падчерице предметы одежды: коровья шкура — в златотканую шубу; копыта — «в сапожки, да такие красивые, словно лодочки»; кровь — в шелковое платье; кости — в кораллы, алмазы и жемчуга [Хусаинова 2006: 101].

В калмыцкой сказке «Аль Бемб» («Аль Бемб») из костей коровы вырастает золотая туфелька, которую находит ханский сын и объявляет, что женится на девушке, которой будет впору найденная обувь [НА КалмНЦ РАН. Ф. 5. Оп. 2. Ед. хр. 88. Л. 5].

В сказке «Өнчн бор хурһн» («Серый ягненок-сирота») синьцзянских калмыков (ойратов), проживающих на исторической родине в Азии, в нужный момент останки ягненка превращаются в красивую одежду для падчерицы. В данной сказке чудесным помощником является ягненок. Каждый день он срыгивает падчерице фрукты, питаясь которыми она преобразуется. Когда по указу старухи-мачехи, которая притворилась больной, зарезали ягненка, падчерица собирает его кости и внутренности, складывает в кожаный мешок и относит в пещеру [Сказки народов Евразии 2018: 139–155].

В варианте сказки синьцзянских ойратов «Синяя корова» на рассматриваемый сюжет из костей и головы синей коровы появляются добротная одежда, нарядный головной убор, дорогие украшения, красивые и удобные сапожки. Вместо мачехи падчерице

вредит *бергн* — жена брата по отцовской стороне [Сказки народов Евразии 2018: 155].

На калмыцком материале можно отметить, что корова является помощницей падчерицы не только при жизни, но и после смерти, обеспечивая пропитанием и нарядами [Хальмг туульс 1961: 91]. Корова является тем животным, в которое превращается умершая мать. Следует отметить, что синыйзянский материал представляет еще и серого ягненка в качестве чудесного помощника сиротки [Сказки народов Евразии 2018: 139–145].

В башкирских волшебных сказках Г. Р. Хусаинова выделяет мифологических помощников: мифический конь, мертвец / череп, белобородый старик, чудесная супруга, змея, домашние животные (кошка, собака) и др. В числе мифологических помощников отмечается и корова, но у нее отмечается одна функция — помогать героине [Хусаинова 2014: 96].

В калмыцких волшебных сказках корова также является мифологическим помощником, причем не единственным.

4. Чудесная дарительница как помощник

В сказках на рассматриваемый сюжет, помимо чудесной коровы, присутствует также даритель, который подвергает героиню испытанию. В сказке «Сээдэн күүкн» («Дочь Сяяды») к дочери Сяяды посватался ханский сын, вскоре после этого женщина умерла. Ее дочь осталась на попечении Му, которая заставляла сиротку пасти коров. Однажды в степи к сиротке приходит старуха и просит посмотреть ей голову: *Сээдэн күүкн үкр хэрүлжэ йовтльн нег эмгн ирв. Тегэд келв: «Күүкн толһад мини нисл»* [НА КалмНЦ РАН. Ф. 8. Оп. 1. Ед. хр. 36. Л. 1]. Девочка не притрагивается к фруктам, росшим на голове старухи, вследствие чего награждается красотой и пожеланием счастливой жизни, которое обозначено как благопожелание-йорял. Родная дочь не выдерживает испытания старухи и наказывается уродством.

В сказке «Хойр күүкнэ туск тууль» («Сказка о двух девушках») после убийства помощницы-коровы сиротку Ценден в степи подзывает одна красивая женщина, опиравшаяся на белоснежную юрту, украшенную золотом, серебром, кораллами, жемчугом. Она просит девочку посмотреть у нее голову: *Чи мини толһа невчк хэлэжэһич*

[НА Калм НЦ РАН. Ф. 3. Оп. 2. Ед. хр. 148. Л. 96]. Как только Ценден дотронулась до ее волос, та заснула. После пробуждения женщина благодарит девушку за то, что дала ей поспать и не польстилась на богатства: «*Чи сэн күүкн бээжч, намаг нөөрслүлснчи би ханжанаг. Мини белг болтха!*» — *гиж келэд, торһн болн шеемг бишмүд үмскэд, кеерүл шур-сувс кузүнднь зүүлһэд, хойр халхднь сар, нар нааһад тэвдг болна* ‘Ты хорошая девушка, оказывается, благодарю, что дала поспать мне. Пусть будет моим подарком! — сказав, шелковое и шерстяное платья подарила, на шею сиротки надела украшения из кораллов и жемчуга, на обе ее щеки наклепила луну и солнце’ [НА Калм НЦ РАН. Ф. 3. Оп. 2. Ед. хр. 148. Л. 96].

Здесь следует отметить, что девушка старается покинуть жилище женщины, не побеспокоив ее сон. Но когда героиня уже добирается до двери, женщина все-таки просыпается.

В славянской традиции, по наблюдению И. Ф. Амроян, придя к реке, старуха ложится спать и просит падчерицу и родную дочь поискать у нее в голове вшей, причем их надо не просто давить, а обязательно есть. Только после этого она окончательно решает вопрос с наградой и просит разбудить ее тогда, когда в реке потечет вода соответствующего цвета [Амроян 2008: 378].

В сказке «Хойр күүкнэ туск тууль» («Сказка о двух девушках») женщина, одиноко живущая в богато обставленной юрте, тоже засыпает и, проснувшись, благодарит и вознаграждает героиню.

Старуха и женщина в упомянутых выше сказках, по В. Я. Проппу, являются помощниками, благодаря которым происходит трансфигурация героини (Т). Согласно функциям действующих лиц В. Я. Проппа, женщина, наклепившая на щеки сиротке солнце и луну, и старуха, на голове которой растут фрукты, также относятся к категории помощников, но с функциями дарителя, который испытывает героиню, прежде чем ее трансформировать: в приведенных текстах трансформация выражается в наделении красотой, нарядами и украшениями. Этих действующих лиц в сказках можно, наряду с коровой, отнести к мифологическим помощникам.

В круг действий волшебного помощника героя, по В. Я. Проппу, также входят следующие функции: пространственное перемещение героя (R), ликвидация беды или недостачи (Л), спасение от пре-

следования (Сп), разрешение трудных задач (Р) [Пропп 2001: 73]. Им же установлены три категории помощников: 1) универсальные помощники, способные к выполнению (в известных видах) всех пяти функций помощника. Таким помощником оказался только конь; 2) частичные помощники, способные к выполнению нескольких функций, но которые по совокупности данных не выполняют всех пяти функций помощника. К этой группе относятся разные животные (кроме коня), духи, являющиеся из кольца, различные искусники и т. д.; 3) специфические помощники, исполняющие только одну функцию. К этой группе относятся только предметы. Так, клубочек служит для путеводительства, меч-самосек — для победы над врагом, гусли-самогуды — для решения задачи царевны и т. д. Отсюда видно, что волшебное средство есть не что иное, как частная форма волшебного помощника [Пропп 2001: 76].

6. Бездетные старики — помощники сиротки

Калмыцкий материал представляет образ гонимой падчерицы, которой помогает чудесная корова. Сиротка обретает красоту благодаря помощи умершей матери в образе животного (корова / ягненок), старухи, на голове которой растут фрукты, женщины, украшающей солнцем и луной; к ней сватается ханский сын. В рассмотренных сказочных вариантах падчерица преобразуется (наряжается в красивые платья, обретает красоту в виде солнца и луны на щеках) благодаря тому, что она выдержала испытание старухи / женщины. Родная дочь мачехи не проходит испытание, приобретает уродливые пятна на лице, становится некрасивой, а мачеха подменяет падчерицу и отправляет к ханскому сыну свою дочь.

В сказке «Сээдэн күүкн» («Дочь Сяяды») женщина Мууда отправляет сиротку, которую забрала после смерти матери, за водой к морю с кожаным сосудом без дна. Затем идет за ней к морю, ударяет ее поварешкой и убивает. Дочь Сяяды превращается в сазана с золотой чешуей. Мууда отправляет вместо сиротки свою дочь. При этом она поучает дочь, как отвечать мужу на вопрос о том, что за наросты у нее на лице, и наказывает позже притвориться больной и потребовать бульон из сазана с золотой чешуей. Готовит сазана дочь Мууды в безлюдной юрте (*эжго гер*). Одна чешуйка попадает

на стык стенных решеток с дверью в юрте пастуха и превращается в дочь Сяяды. Бездетные старики удочеряют девочку. Когда ханский сын собирает девушек и невесток, чтобы шить одежду, то приказывает доставить дочь пастуха. Девочку доставляют во дворец, сын хана просит ее рассказать сказку. Она рассказывает свою историю, ханский сын расправляется со своей женой, женится на дочери Сяяды, которую засватал [НА КалмНЦ РАН. Ф. 8. Оп. 1. Ед. хр. 36. Л. 2–4].

В сказке «Хойр күүкнэ туск тууль» («Сказка о двух девушках») злая женщина Шивегчин убивает добрую соседку Цаган, позже ее дочь Ценден, к которой посватался ханский сын. Тело девочки скинули на дно колодца в степи, луну, солнце, которые на двух ее щеках были, на щеки дочери Шивегчин наклеив, отправили в ханский дворец. Старик-верблюжатник достает из колодца шелковый девичий поясok и закапывает его на пригорке колодца. Назавтра в этом месте вырастает фруктовое дерево, с которого свешиваются красивые плоды. На это ханская невестка сказала, что дерево надо обстругать до тонкой веточки, полностью сжечь, иначе оно своими плодами будет людей травить. Старик выполняет поручение и приносит домой стружку от дерева, наутро превратившуюся в красивую девушку. Бездетные старики удочеряют сиротку. Хан-отец, чтобы узнать о дочери верблюжатника-темячи, притворился, что заболел и собрал всех девушек аймака послушать их сказки и отвлечься. Когда доставили дочь темячи, она рассказала как сказку от начала и до конца о себе и дочери Шивегчин, которая стала невесткой хана. Правда раскрылась, виновные наказаны, сиротка становится супругой ханского сына [НА Калм НЦ РАН. Ф. 3. Оп. 2. Ед. хр. 148. Л. 96–100].

Во второй части сказки «Хөөт экин һарт бээсн өнчн күүкн» («Девочка-сирота, жившая у мачехи») действие тоже происходит по сюжетному типу «Подмененная жена». Мачеха топит падчерицу в озере, оно пересыхает, и из него появляется белый верблюжонок, из капли крови которого вырастает тополь. Из дерева ханша приказывает изготовить колыбель для еще нерожденного сына. Одна стружка дерева попадает за пазуху старика, в его юрте превращаясь в курительную трубку. Наутро пастух с женой видят вместо трубки тринадцатилетнюю девочку. Когда собирают девушек

со всего кочевья-нутука шить шубу, падчерица рассказывает свою историю как сказку, ханский сын узнает правду, наказывает мачеху и женится на сиротке [Хальмг туульс 1961: 91–93].

В данном тексте в эпизоде удочерения используются традиционные формулы сказки: *үрн уга куунд үрн болхар йовлав, садн уга куунд, садн болхар йовлав* ‘я пришла для бездетных стать ребенком, для тех, у кого нет родственников, стать родней’; *барун өвдг деерэн тэвэд, барун халхинь үмсэд, үрэн кежэ авб* ‘на правое колено посадили, в правую щеку поцеловали, удочерили’ [Хальмг туульс 1961: 92].

Во всех трех вариантах сказки сиротка после цепи превращений удочеряется бездетными стариками. Свою историю героиня рассказывает как сказку в ханском дворце во время сбора всех девушек нутука.

Казахская народная сказка «Кок сиыр» («Синяя корова») схожа с выше приведенной калмыцкой сказкой «Хөөт экин харт бээн өнчн күүкн» («Девочка-сирота, жившая у мачехи»). Утопленная мачехой падчерица превращается в тополь. Когда дерево рубят, листок попадает в юрту к бездетным старикам и превращается в пар, а затем — в красавицу. Благодаря своему соколу во время охоты, сын бая узнает свою жену. Правда торжествует, виновные наказаны [Сказки народов Евразии 2018: 82].

Отличие казахской сказки в том, что падчерица не рассказывает свою историю. Зато момент, когда героиня рассказывает свою историю как сказку, присутствует в лезгинской народной сказке «Бибихатун» («Бибихатун»). Падчерица после всех злоключений попадает на мел для чесания шерсти, устроенный сыном падишаха. По просьбе ханского сына она рассказывает сказку — историю о своих несчастьях. Сын падишаха узнает свою жену, а плешивую девушку с позором выгоняет [Сказки народов Евразии 2018: 82].

7. Ханский сын как спаситель героини

В калмыцкой сказке «Аль Бемб» сын хана находит золотую туфельку (выросла из костей коровы) и объявляет, что женится на девушке, которой будет впору найденная обувь. Падчерице туфелька пришлось по ноге, и ханский сын женится на ней. У них рождается сын. Далее следует разработка сюжета СУС 409 «Мать-рысь»: мачеха сталкивает падчерицу в озеро и подменяет ее своей родной

дочерью. Отец привозит сына к реке, мать выходит из воды покормить его. Ханский сын узнает свою жену, мачеха и ее дочь наказаны [НА КалмНЦ РАН. Ф. 5. Оп. 2. Ед. хр. 88. Л. 4–8].

Сказка «Бембг гидг көвүнэ туск тууль» («Сказка о юноше по имени Бембг») частично соответствует сюжетному типу СУС 409 «Мать-рысь». Шулмуска принимает облик жены героя, которую утопила в реке. Муж узнает о том, что из реки появляется женщина и зовет своего сына-младенца, чтобы покормить его грудью. Герой привозит на берег реки сына и видит, что женщиной, зовущей сына, является его жена, вызволяет ее, а шулмуску наказывает [НА КалмНЦ РАН. Ф. 5. Оп. 2. Ед. хр. 80. Л. 93–94].

В указанных текстах муж раскрывает правду и наказывает зловредную мачеху — в первой сказке и шулмуску — во второй.

В башкирской народной сказке «Угэй кыз» («Неродная дочь») мачеха угнетает падчерицу, приказывает зарезать корову, а в день приезда жениха превращает неродную дочь в птичку и подменяет своей дочерью. Муж ловит птицу, и она принимает облик настоящей жены. Когда у падчерицы рождается сын, мачеха превращает ее в лебедя. Свекровь каждый день приносит птице сына на кормление. Муж узнает об этом, ловит птицу, она навсегда принимает человеческий облик [Сказки народов Евразии 2018: 26–32].

Активная роль мужа в поисках своей жены представлена также в бурятской сказке «Алтай шагай, Мунгэн шагай» («Алтай шагай и Мунгэн шагай»). Выданная замуж вместо дочери хана батрачка всячески пытается уничтожить настоящую суженую героя, которая является к нему, обратившись овцой, коровой, конем. Далее ее попытки обратить на себя внимание, превратившись в огниво и кремь, кизил, золотого соловья, не венчаются успехом. Обман раскрывается усилиями главного героя, которому удастся выследить свою нареченную жену в своем доме. Самозванку возвращают обратно хану [Сказки народов Евразии 2018: 40–57].

Следует отметить, что в калмыцких сказках на сюжет «Мачеха и падчерица» помощниками сиротки выступают также и люди: бездетные старики и сам супруг героини.

8. Заключение

В калмыцкой сказочной традиции сказки на сюжет «Мачеха и падчерица» строятся на мотиве помощника. На материале разных

устных традиций можно отметить, что чудесная корова помогает падчерице выполнять задачи мачехи. В калмыцких сказках не встречается мотив трудной задачи мачехи, но чудесная корова, помимо функции помощника, приобретает еще и функцию дарителя. В калмыцких сказках корова является помощницей падчерицы не только при жизни, но и после смерти, обеспечивая пропитанием и нарядами. В образе коровы со своей дочерью общается ее умершая мать. Синьцзянский материал представляет, кроме коровы, еще и серого ягненка в качестве чудесного помощника сиротки.

В сказках на рассматриваемый сюжет, кроме чудесной коровы, присутствует также даритель, который подвергает героиню испытанию. Согласно функциям действующих лиц, выделенным В. Я. Проппом, женщина, наклепавшая на щеки солнце и луну, и старуха, на голове которой растут фрукты, также относятся к категории помощников, но с функциями дарителя, который испытывает героиню, прежде чем ее трансформировать (в приведенных текстах наделение красотой, нарядами и украшениями). Их можно, наряду с коровой, отнести к мифологическим помощникам.

Отмечаются также в рассмотренных сказках в качестве помощников бездетные старики и сам супруг героини. Первые удочеряют сиротку, которая после расправы над ней в ряду превращений обретает человеческий облик. Супруг падчерицы предпринимает активные действия в сказках на сюжетный тип «Мать-рысь», находит и возвращает свою жену.

Таким образом, можно отметить как особенность, что в калмыцких сказках на сюжет «Мачеха и падчерица» мотив помощника реализуется на двух уровнях: мифологическом, когда помогают животное и чудесные дарители, и профанном, когда бездетные старики и супруг героини приходят ей на помощь.

Источники

- Афанасьев 1984 — *Афанасьев А. Н.* Народные русские сказки / изд. подг. Л. Г. Барг, Н. В. Новиков. В 3-х тт. Т. 1. М.: Наука, 1984. 511 с.
- Калмыцкие волшебные сказки 2020 — Калмыцкие волшебные сказки / вступит. ст. Б. Б. Горяевой; сост., указатели Б. Б. Горяевой, Д. В. Убушиевой; перевод, примеч., коммент., словарь Б. Б. Горяевой, Т. А. Михалевой, Д. В. Убушиевой; отв. ред. А. А. Бурькин,

- В. Л. Кляус, В. В. Куканова, Г. Ц. Пюрбеев. Элиста: КалмНЦ РАН, 2020. 584 с.
- НА КалмНЦ РАН — Научный архив КалмНЦ РАН.
- Сандаловый ларец 2002 — Сандаловый ларец: Калмыцкие народные сказки / сост., пер., вступ. ст. Т. Г. Басанговой. Элиста: Калм. кн. изд-во, 2002. 240 с.
- Хальмг туульс 1961 — Хальмг туульс. 1-гч боть / сост. Б. Сангаджиева, Л. Сангаев, ред. У. Очиров. Элиста: Калм. кн. гос. изд-во, 1961. 220 с.
- Хальмг фольклор 1941 — Хальмг фольклор / Барт белдснь Лежнэ Церн, Шалвра Нэрэ. Элст: Калмгосиздат, 1941. 466 х.
- Сказки народов Евразии 2018 — Сказки народов Евразии. «Мачеха и падчерица» / сост., автор предисл. Е. Э. Хабунова. Элиста: Джангар, 2018. 200 с.

Литература

- Алиева, Мухамедова 2020 — *Алиева Ф. А., Мухамедова Ф. Х.* Об особенностях сюжетосложения цикла волшебных сказок «О мачехе и падчерице» в фольклоре народов Дагестана // *Literra*. 2020. № 1. С. 1–8.
- Амроян 2008 — *Амроян И. Ф.* Сюжет «Мачеха и падчерица» (АТ 480) в славянских национальных традициях (на материале русских, болгарских и чешских сказок) // *Международные Ломидзевские чтения «Изучение литератур и фольклора народов России и СНГ: Теория. История. Проблемы современного развития»*. Мат-лы междунар. науч. конф. (г. Москва, 28–30 ноября 2005 г.). М.: ИМЛИ РАН, 2008. С. 376–386.
- Басангова 2009 — *Басангова Т. Г.* Животные в калмыцком фольклоре / отв. ред. Д. В. Сокаева. Элиста: КалмГУ, 2019. 192 с.
- Волков 1924 — *Волков Р. М.* Сказка. Разыскания по сюжетосложению народной сказки: Сказка великорусская, украинская и белорусская. Одесса: Госиздат Украины, 1924. Т. 1. 227 с.
- Горяева 2011 — *Горяева Б. Б.* Сюжет «Мачеха и падчерица» (АТ 480) в калмыцкой сказочной традиции // *Научная мысль Кавказа*. 2011. № 1. Ч. 2. С. 110–112.
- Добровольская 2019 — *Добровольская В. Е.* Русские сказки сюжетного типа СУС 480 («Мачеха и падчерица») в репертуаре сказочников Русского Севера // *Рябининские чтения–2019: мат-лы VIII конф. по изучению и актуализации культурного наследия Русского Севера* (г. Петрозаводск, 23–28 сентября 2019 г.). Петрозаводск: Карельский научный центр РАН, 2019. С. 370–372.
- Лозовская 1991 — *Лозовская Н. В.* Семантическая и структурная дери-

- вация в сюжетном типе сказки «Золушка» // Принцип деривации в истории языкознания и современной лингвистике. Тез. докл. науч.-теоретич. конф. (г. Пермь, 5–19 окт. 1991 г.). Пермь: Перм. ун-т, 1991. С. 101–102.
- Лутовинова 1991 — *Лутовинова Е. И.* Русские сказки о мачехе и падчерице (АТ 480): (Опыт описания и классификации): дисс. ... канд. филол. наук. М., 1991. 19 с.
- Мелетинский 2005 — *Мелетинский Е. М.* Герой волшебной сказки. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2005. 237 с.
- Пропп 2000 — *Пропп В. Я.* Исторические корни волшебной сказки / науч. ред., текстол. коммент. И. В. Пешкова. М.: Лабиринт, 2000. 336 с.
- Пропп 2001 — *Пропп В. Я.* Морфология волшебной сказки / науч. ред., текстол. коммент. И. В. Пешкова. М.: Лабиринт, 2001. 144 с.
- Смирнов-Кутаческий 1942 — *Смирнов-Кутаческий А. М.* Из истории народной сказки. Народная сказка о мачехе и падчерице / подг. текста К. В. Быстровой; прим. К. В. Быстровой и М. В. Строганова; вступит. заметка М. В. Строганова [электронный ресурс] // URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=31831 (дата обращения: 15.09.2024).
- СУС 1979 — Сравнительный указатель сюжетов. Восточнославянская сказка / сост. Л. Г. Бараг, И. П. Березовский, К. П. Кабашников, Н. В. Новиков. Л.: Наука, 1979. 437 с.
- Хусаинова 2006 — *Хусаинова Г. Р.* Восточнославянские и тюркские сюжеты о мачехе и падчерице // Традиционная культура. 2006. № 2. С. 99–103.
- Хусаинова 2014 — *Хусаинова Г. Р.* Башкирские волшебные сказки: поэтика и текстология. Уфа: Гилем, 2014. 209 с.